

Станислав Вотовский

**Кровавая
графиня**

Польский исторический роман

Станислав Вотовский

Кровавая графиня

«Автор»

2026

Вотовский С.

Кровавая графиня / С. Вотовский — «Автор»,
2026 — (Польский исторический роман)

1608 год. Польского шляхтича Горку отправили с документами в Венгрию. Во время сильного дождя он просит приют в одном из замков. В этом замке творятся странные вещи и живёт... нестареющая графиня Элжбета Баторовна... Его ждут захватывающие приключения в лучших традициях Дюма. Этот роман можно справедливо отнести к одному из лучших в творчестве Станислава Вотовского. Станислав Вотовский предложил свою версию легенды о Кровавой графине. Станислав Вотовский (1895-1939?) — известный польский писатель сенсационных и исторических романов, которыми в начале прошлого века зачитывались. Его наиболее известные романы: "Человек, который забыл своё имя", "Кровавая графиня", "Легкомысленная княгиня", "Грешница", "Чёрный адепт", "Золото и кровь", "Рыцари мрака", "Король авантюристов".

© Вотовский С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I	6
Таинственный замок	6
Глава II	12
Прекрасная Элжбета Баторовна	12
Глава III	16
Магистр Атрефиус	16
Глава IV	21
Но это же ведьма, господин...	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Станислав Вотовский

Кровавая графиня

Глава I

Таинственный замок

Был 1608 год. Сильная буря пенила мутные воды реки Ваги, моросил мелкий дождь и опускались уже сумерки, когда молодой польский шляхтич Станислав Горка увидел вдалеке какие-то вырастающие перед ним мощные контуры. Контуры возвышающегося на холме замка.

— Эй! — сказал он слуге, который ехал чуть позади. — Слава Богу! Видно человеческое жильё! Я до нитки промок, и думал, что нам придётся ночевать в лесу под этим ливнем.

— Красивый замок! — сказал слуга, радостно поглядывая на высокие башни, возвышающиеся на холме и окружённые рядом построек. — Красивый замок! Нам тут, пожалуй, в гостеприимстве и ночлеге не откажут!

Довольный Горка пришпорил коня и поспешил в направлении замка. Это был поистине очень счастливый случай. Потому что, не зная толком Венгрии и блуждая среди дорог, он мог ожидать всевозможные приключения и опасности ночи.

Венгрия, поделённая в то время между Турцией и Австрией, находясь в ссоре, в состоянии постоянной войны и постоянных волнений, была не очень безопасна, особенно для путника, а любой, попавшийся по дороге постоялый двор, мог быть не столько приютом, сколько ловушкой и бандитским логовом. Всюду кружили вооружённые банды, состоявшие из сербов, хорватов, словаков, более того, даже из татар, поджидающих добычу, и даже ради небольшой добычи готовые лишиться путника жизни.

Горка с радостью пустился в сторону магнатской резиденции. Он не был в курсе того, кому может принадлежать замок, но, прекрасно зная гостеприимство венгерской аристократии, надеялся на радушный приём.

Действительно, вскоре они вместе со слугой оказались возле замка. Был он в самом деле сильный, как большинство замков в Венгрии, предназначенных для защиты от постоянных нападений, и окружённый широким рвом. К счастью, там находился подъёмный мост и он был в настоящий момент опущен.

— Давай заедем! — воскликнул Горка, и копыта его скакуна весело застучали по доскам. — Но что это? — вдруг он выкрикнул.

Издали донёсся до него какой-то стон.

— Что это? — повторил он.

Около ворот, находящихся на другом конце моста, стоял, опираясь на них, какой-то человек и громко всхлипывал. Раз за разом он поднимал свой кулак и бил по воротам, словно хотел попасть внутрь, а его туда не пускали.

— Вам не хотят отворить? — воскликнул Горка и впился в незнакомца удивлённым взглядом.

Правда, его внешний вид был необычен. Был это высокий, плечистый, немолодой уже мужчина, обросший, без шапки, с волосами, всклокоченными ветром, и сваленной бородой. Епанчу имел рваную и грязную; можно было подумать, что он проделал большую дорогу; а налитые кровью глаза бессознательно смотрели вокруг.

Он бросил бессознательный взгляд на Горку и его слугу, после чего снова сильно ударил кулаком в окованную железом дверь и прохрипел:

— Преступники! Преступники!

Быть может, Горка начал бы его расспрашивать и узнал из уст незнакомца, что означала вся эта сцена, если бы в стене не открылось какое-то окошко и не показалась в нём голова. Её туда привлекли, наверное, не столько удары в ворота пожилого мужчины, который долгое

время безрезультатно долбил в замок, сколько стук конских копыт пришельцев по подъёмному мосту.

— Aj, ki wot? Кто идёт? — прозвучал по-мадьярски вопрос.

— Vendeg! Гость! Путник! — ответил на том же языке Горка, потому что неплохо его знал.

В то же время он вздрогнул. Приключение начинало становиться всё более удивительным. Лицо, которое показалось в оконце, было так чудовищно отвратительно и искажено таким злобным выражением, что его можно было испугаться не только ночью. Сплюснутый нос, огромные уши и гигантский рот, не покрытый щетиной, придавали ему что-то звериное, а в сверлящих маленьких глазах пробивалась свирепость.

Он мерил Горку недоверчивым взглядом.

— Гости? — повторил он, переводя взгляд с Горки на незнакомца. — Вы вместе приехали?

Горка кивнул головой.

— Я воеводич Станислав Горка! — сказал он гордо. — Мы со слугой сбились с пути и долго блуждали среди лесов. Мы прибыли к вам просить гостеприимства. А этого человека, — он указал на незнакомца, — я не знаю, и рад бы услышать, почему он так отчаивается.

Лицо того, который выглядывал из окна, кажется, прояснилось. С него исчезла тень беспокойства. Наверное, он заметил в сумерках и красивого жеребца, и богатую, хоть мокрую, одежду Горки. Он понял, что имеет дело с представителем именитого рода, потому что на безобразном лице появилась отвратительная улыбка, и хриплым голосом, которому старался придать по возможности любезное звучание, он сказал:

— Я сейчас прикажу открыть ворота. Мы рады вашей милости!

— А чей же это замок? — спросил Горка.

— Ясновельможной графини Надасды! Он называется Чахти!

— Ага! — буркнул тот удовлетворённо, потому что не раз имел возможность слышать о графине в Венгрии.

— Тогда доложите обо мне вашей госпоже. Но, — добавил он, вспомнив таинственного мужчину, который стоял теперь подле его коня и, словно с надеждой, смотрел на Горку, — почему вы не хотите его впустить? Ведь он уставший, мокрый и старый. По одежде видно, что он прибыл издалека. В такую ночь нельзя оставлять на дороге человека; ураган завыл с новой силой.

— Этот человек лишён разума, — прозвучал ответ. — Он сам не знает что говорит.

— Я? Лишён разума? — закричал в эти минуты мужчина. — Как ты смеешь? Ты...

Остальные слова заглушил скрежет растворяемых ворот. Горка въехал на обширный двор. С ним, держа его за стремя, проскользнул старик. На дворе крутилось много гайдуков, одетых богато, но удивительно хмурых, с минами, не вызывающими доверия. Рядом с воротами стоял тот, кто разговаривал с ними через оконце. Когда Горка к нему пригляделся, он мог убедиться, что вся его фигура была столь же отталкивающей, как голова. Это был горбун, но с необычайно широкими плечами, с длинными, как у гориллы, руками, наверное, одарённый большой физической силой. Должно быть, он занимал в доме высокое положение, потому что гайдуки смотрели на него с боязнью, смешанной с уважением.

— Я сейчас донесу ясно графине о визите вашей милости! — он низко поклонился и сделал несколько шагов в сторону ярко освещённого крыльца, как бы указывая дорогу Горке.

Этой минутой воспользовался незнакомец. По-прежнему прижимаясь к коню Горки, он прошептал:

— Я не безумец! Чудовищный карлик лжёт. Остерегайся, шляхтич! Здесь разбойничье логово.

— Что вы сказали? — повторил Горка, толком не понимая. — Разбойничье логово! Её держат в тюрьме... Илону... я хочу склонить мольбой, попросить, чтобы Илону выпустили...

— Кого посадили в тюрьму?

— Илону... Помните, рыцарь... Помните, рыцарь, если я погибну! Ничего, кроме этого, я не могу вам сказать, потому что этот проклятый монстр снова сюда спешит...

В самом деле, горбун не дошёл до крыльца, а, словно о чём-то вспомнив, задержался на полпути. Он вспомнил о том странном мужчине, и теперь давал ему знаки, чтобы приблизился.

— Эй, дед! — крикнул он. — Не утомляй благородного пана! Иди за Сандором, — тут он указал на одного из провожатых, — в челядную комнату! Наши дела мы позже уладим!

Незнакомец отпустил стремя Горки и, бросив на него последний взгляд, как бы умоляя о жалости и помощи, начал уходить. Но, казалось, что издалека ещё доносится шёпот:

— Будь осторожен... будь осторожен, рыцарь... В другой обстановке вся эта сцена и исполненные беспокойства слова произвели бы на Горку иное впечатление и он не так легко отпустил бы незнакомца. А мрачный горбун, гайдуки с понурым взглядом вызвали бы у него страх. Но услышав, что замок называется Чахти и принадлежит он графине Надасде, он на всё смотрел другими глазами. Хоть более мелких подробностей о графине он не знал, того, что слышал в разных венгерских дворах, вполне хватило, чтобы вызвать полное доверие и уважение к ней.

Элжбета, графиня Надасды, урождённая княжна Баторовна, должно быть, была женщиной необычайно красивой и обладательницей огромных богатств. Овдовев, она повторно не выходила замуж, но, по-видимому, имела разные капризы. Но о ней говорили, что это вторая Клеопатра и что один красивый кавалер был удостоен её внимания. В любом случае была это великая дама, из могущественного рода Баториев и каждый счёл бы за честь оказаться на её дворе, потому что она в целом жила уединённо, никого не принимая.

А также в связи с её именем необычное окружение приобретало иной характер, и воеводич уже заранее радовался тому, что предстанет перед лицом прекрасной дамы. Что же касалось приключения с незнакомым стариком, то он начинал верить, что в самом деле встретил безумца, и услышанное предостережение пропустил мимо ушей. Тем более, что горбун, очевидно, был рад, что оттащил безумца от путника. Приблизившись к нему, он объяснил:

— Он лишён разума! У него умерла дочка, или воспитанница! От отчаяния он сошёл с ума. Он не хочет верить в её смерть и всюду её ищет! Ищет и жалуется, что у него её похитили.

Это объяснение вполне устроило Горку. Он соскочил с коня и, бросив поводья слуге, последовал за горбуном. Вскоре они попали в огромную прихожую, стены которой были завешаны доспехами, разным оружием и рогами оленей, а из этой прихожей — в хорошо освещённую, богато убранную комнату. Она имела слегка восточный характер и тонула среди дорогих гобеленов и смирнских ковров. Ничего удивительного. Хоть Венгрия постоянно враждовала с Отоманской Портой, однако она успела перенять в некоторых случаях турецкую роскошь и турецкие вкусы.

Посреди комнаты, словно ожидая их прибытия, стояла женщина, которую действительно можно было назвать красивой. Высокого роста, в по-настоящему мадьярском наряде, со смуглой кожей, чёрными волосами и большими огненными глазами. На первый взгляд ей было самое большее тридцать лет, и если бы не гордость, разлитая на её лице, в сочетании с каким-то невероятным выражением в глазах, она могла бы привлечь любого.

Она была так одета, будто только что вернулась с конной прогулки. Алая шубка, опоясанная золотым ремнём, обшитая дорогим мехом, турецкие, широкие шаровары, какие в то время использовали для прогулок венгерские женщины, и высокие, мужские сафьяновые сапоги.

В руке, на которой сверкало несколько дорогих колец, она держала кнут, которым раз за разом просто так ударяла по голенищу сапога.

"Красавица, красавица, — подумал Горка, — ради такой можно и жизнь отдать!"

Он тут же забыл о странном горбуне и мрачных гайдуках, суетившихся на дворе замка.

При виде Горки лицо красивой дамы озарила любезная улыбка, а слова, которые вырвались из кровавых губ, были ещё слаще.

— Приветствую, кавалер! — сказала она. — Фитцке мне говорил (она указала на горбуна), что вы заблудились и ищите у меня гостеприимства. Рада вас видеть. Весь дом для вас открыт!

Он низко поклонился.

— Это большая честь для меня, — ответил он, — оказаться в столь знаменитом доме. Ваша слава, светлейшая графиня, а скорее, светлейшая княгиня, потому что вы приходите из славного дома Баториев, гремит по всей Венгрии, и я счастлив, что *vestram celsitudinem* познакомлюсь и смогу убедиться собственными глазами, что красой вы действительно превосходите старинных богинь.

Составить подобный комплимент и переплестать свою речь латинскими изречениями было долгом хорошо воспитанного кавалера; это относилось к хорошему тону как Венгрии, так и в Польше.

Однако в словах Горки, кроме банальной вежливости, должно быть пробивалось искреннее восхищение, потому что прекрасная дама покраснела, тень удовлетворения промелькнула в глубине глаз и она, будто бы скромно, сказала:

— Вы чересчур любезны, рыцарь.

Горка посчитал, что нужно уделить немного информации о себе.

— Меня зовут Горка! — сказал Горка. — Ради того, чтобы посетить Венгрию, я путешествую по этой стране! — он не хотел ещё открыть настоящей причины своего пребывания в этой стране. — Из тех Горок, которые горячее других поддержали элекцию нашего короля Стефана Батория и вашего великого родственника. Меня связывали узы дружбы с другим вашим родственником, Габором Баторием. Когда он ещё находился в Польше.

— Ах, Габор... — произнесла она без большого восторга, но эту гримасу молодой шляхтич не заметил.

Чтобы понять дальнейший ход событий, несколько слов стоит посвятить истории рода Баториев. Этот род в Венгрии всегда принадлежал к магнатским, но до роли правителей его поднял только Стефан Баторий, изначально выбранный князем Трансильванским, а позже — королём Польским. После него трон Трансильвании принял брат его Кжистоф, и в княжестве Трансильванском всё ещё как-то так шло. Но уже после смерти Кжистофа начались раздоры и род Баториев начал приходить в упадок. Сын его Сигизмунд, измученный неудачными войнами, уступил престол своему брату Анджею, а сам искал помощи в Польше у Яна Замойского, своего родственника, мужа Грызельды Баторовны, сестры короля Стефана. Но и правление Анджея было коротким. Побеждённый в битве с натравленным на него Австрией мальтийским правителем Михаилом, во время побега в Польшу он был убит. Правда, после его смерти на престол снова вернулся Сигизмунд, вызванный верными трансильванцами, но, не в состоянии бороться с невзгодами, он передал власть в руки Рудольфа II, и сам потом вскоре умер.

Трансильванский престол занял Сигизмунд Ракочи, а от прекрасных времён Баториев осталась только традиция. Итак, во время нашего рассказа, помимо Элжбеты Баторовны, которая жила в Венгрии, существовал последний потомок знаменитого рода, Габор, мечтающий воскресить давние традиции. Этот племянник короля Стефана, воспитанный в Польше и отлично знающий наш язык и обычаи, мечтал не только о возвращении Семиградского княжества, но и о польской короне. Наследовав после одного из своих родственников, пана на Эзете, огромные богатства, он тихо составлял свою партию, а все те, кто презирает немецкую власть, присоединились к нему и развернули хоругвь против императора Рудольфа. Настоящей причиной пребывания Горки в Венгрии было то, что, подружившись в молодости, ещё в Польше, с Габором, он теперь ехал к князю, дабы увеличить численность его сторонников.

Но Габор, на которого император Рудольф всё ещё ставил новые ловушки, скрывался в различных усадьбах венгерских магнатов. А воеводич вёз заверение, что поляков, готовых поспешить ему на помощь с целью восстановить семиградское княжество, много. Габор в Польше пользовался такой популярностью, что в прошлом году во время бунта Зебрзидовского громко кричали, что после свержения нелюбимого Сигизмунда III на польский трон позовут только его. Так тесно была связана в то время история Трансильвании и Польши и такая, благодаря воспоминаниям о короле Стефане, царила привязанность к роду Баториев, а Габор, воспитанный в Польше и друживший с самыми видными родами, считался своим.

Но о своей миссии, которая была очень конфиденциальной, Горка ещё не хотел рассказывать графине. Если он сослался на свою дружбу с Габором, то только потому, что думал, что близость с её родственником ещё шире откроет ему ворота гостеприимства...

Он только не знал одной вещи. Что таинственная женщина, двор которой был такой странный, по разным причинам не выносила своего довольно дальнего родственника, но зато близкие отношения её связывали с немцами и австрийским домом.

— Габор! — повторила она с едва скрытой иронией. — Он, по-видимому, находится в одном из пограничных замков. Император был бы рад видеть его в оковах!

После чего она сменила тему.

— О роде знаменитых Горков я слышала! — сказала она. — Я рада, что принимаю вас, кавалер! Но, наверное, вы устали и хотите спать! Фитцке проводит вас в предназначенную для вас комнату, а завтра я с радостью вас увижу! Потому что, пожалуй, вы несколько дней захотите побыть в моём замке!

Горка глубоко поклонился. Он даже был рад, что прекрасная женщина не задерживает его дольше. Промокший и грязный, после целого дня под ливнем, он с некоторым смущением разговаривал с этой дамой, которая в одежде амазонки была поистине восхитительней Дианы. А когда он уходил вслед за горбуном в предназначенные для него комнаты, взгляд графини побежал за ним.

— Очень приятный юноша! — шепнула она и кончиком языка облизнула жадные красные губы, словно у пантеры, жадной до добычи. — Только...

Кнут с золотой рукоятью вновь беспокойно ударил по голенищу сапог.

После чего она подошла к высокому готическому окну и в задумчивости начала в него смотреть. По стёклам барабанил дождь, а со двора доходило завывание ветра.

Она недолго стояла одна. Вскоре появился горбун и доложил, что молодой поляк находится в предназначенной для него комнате, и что скоро подадут ему ужин.

— А тот другой? — бросила она.

— Безумец? — показал он в злой улыбке жёлтые и крошащиеся зубы. — Он ждёт, запертый в комнате внизу! Милостивая пани, как прикажете с ним поступить?

— Проводи его в угловую комнату! Там... только... я... и ты... Ты понял?

Он кивнул головой.

— А поляк ничего не догадался?

— Он поверил, что это безумец.

— Поверил? А он не говорил об Илоне?

— Я стоял вдалеке. Не мог слышать. Но, пожалуй, ему не хватило времени.

— *Basserem terem tiszem!* — она вдруг выругалась по-венгерски, и никто бы не догадался, что из таких прекрасных уст может вылететь такое пошлое проклятие. — Я покончу со стариком! Приведи его!

Она побежала вперёд.

Комната, в которой графиня хотела принять таинственного старого человека, выглядела поистине странно. Она размещалась в угловой башне, была круглой и лишённой каких бы то ни было вещей. Казалось, что в неё никто никогда не заглядывает, потому что паутина вилась

по стенам, а в углах скопилась пыль. Обычно она была заперта и под страхом самого сурового наказания было запрещено в неё заглядывать. Но когда Элжбета Надасды вошла в эту особенную комнату, на её лице появилось какое-то выражение злобного триумфа.

— A terem tizen! — повторила она.

В соседнем, ведущем в комнаты, коридоре, послышались шаги. Гнев исчез с лица графини, а его заменило, казалось бы, мягкое выражение.

На пороге комнаты появился старый мужчина, а следом за ним горбун.

— Подойдите ближе! — любезно сказала прекрасная женщина. — Что вас привело?

Старый человек сделал сначала несколько шагов. Тем временем Фитцке приблизился к одной из голых стен и ладонью оперся о неё.

Незнакомец внезапно рухнул на колени.

— Отдай мне, ясно графиня, Илону! — воскликнул он мощным голосом. Она смотрела на него так, как смотрят на безумных, и легко, будто бы от удивления, пожала плечами.

— Человек, вы говорите бессознательно! Какая Илона? Среди моих служанок нет такой девушки.

— Не служанка... Не служанка... — повторял он, всё больше выходя из себя. — Но она здесь...

— Мне об этом ничего не известно.

— Здесь, ясно графиня! Вы похитили её и держите в заключении в этом замке! Я собственными глазами видел ваших людей, когда её увозили! И этот проклятый горбун был среди ваших гайдуков, — он указал на Фитца.

— Вы спятили?

— Я ещё не спятил, хотя чувствую, что сойду с ума. И зачем вы её схватили? Он бедная, на выкуп не имеет. Что хотите с ней делать? Прошу вас, милостивая пани, скажите.

— Повторяю вам, несчастный человек, вы спятили...

Вдруг его охватил гнев.

— Вы отрицаете! Мои мольбы тут напрасны! Но это дело для вас не останется безнаказанным, графиня. Вы думаете, что Илона не из знатного рода и некому за неё заступиться? Она не моя дочь, но я буду ходить везде и искать для вас мести...

— Угрожаете?

— За её смерть вы ответите смертью, кровавая графиня.

— Ах так...

Вдруг произошло непредвиденное. Элжбета дала какой-то знак горбуну, после чего отскочила назад на несколько шагов. Фитцке оперся о стену, и в тот же момент пол под стариком провалился.

— Иисус, Мария! — только успел он выкрикнуть и рухнул в неожиданно разверстую пропасть.

Ещё секунда, и пол вернулся на своё место и в комнате выглядело всё так, будто ничего необычного там не произошло.

— Больше не будет говорить нам о мести! — шикнула она сдавленным от гнева голосом. — А службе я скажу, — она повернулась к горбуну, — что ты отправил его через калитку боковым выходом! Экстраординарно только, — добавила она, — что он говорил о знатном происхождении этой девушки.

Тем временем Горка, утомлённый поездкой, сладко спал в удобной кровати. Только иногда его будили, будто какой-то стон, доходящие издали отголоски. Однако он не обращал на них внимания и думал, что это ветер на дворе так гуляет.

Глава II

Прекрасная Элжбета Баторовна

Назавтра, когда проснулся Горка, комнату заливали солнечные лучи. Ураган, который свирепствовал всю ночь, прошёл, из-за туч вышло ещё достаточно тёплое октябрьское солнце. В его потоках сам замок, равно как и комната, в которой он ночевал, показались ему не такими мрачными. Был это большой покой, устроенный с роскошью, и, должно быть, графиня считала Горку знаменитым гостем, раз предназначила ему такую парадную комнату. Там стояла гигантская кровать с извивающимися колоннами и с балдахинном, тяжёлые резные шкафы и тяжёлые кресла, а стены покрывали ценные гобелены, изображающие слегка непристойные сцены из истории древних времён. Горка, сам из магнатской семьи и бывавший в разных панских дворах, самым лучшим образом мог оценить эту роскошь. А над большим камином, красиво вырезанные и разукрашенные, находились соединённые гербы Надасдов и Баториев.

В углу, на табурете, лежал свёрток, наверное, ещё вчера сюда принесённый, с одеждой Горки. Он искренне ему обрадовался, потому что хотел сменить промокшую и грязную одежду на другую, чтобы во всём великолепии предстать сегодня перед графиней. Он знал, что он красивый кавалер, в богатых одеждах у него не было недостатка, а красивое лицо и сияющие глаза графини Элжбеты всё ещё были в его памяти.

Итак, он вскочил с кровати и начал поспешно одеваться, когда послышался стук в дверь, а затем показался его слуга. Он пришёл, чтобы помочь пану при утреннем одевании.

— Что, Якса, — сказал он весело слуге, — хороший у нас был ночлег? Мадыяры накормили и напоили тебя надлежащим образом?

У парня было какое-то беспокойное выражение лица.

— Хороший-то хороший, пане воеводич! — ответил он. — Люди ясно графини скакали возле меня, как могли! Накормили и напоили, и нашим лошадям дали столько овса, что и за неделю бы не съели. И разговаривали со мной так, как если бы я был шляхтичем, потому что я всё-таки понимаю их речь.

— Тогда почему, вместо того, чтобы радоваться, ты кривишь лицо? Известно, что в этом краю нас любят. Поляк и венгр — два брата и до сабли, и до рюмки!

— Не это...

— Как, не это?

— Мне не нравится в этом замке!

Горка слегка улыбнулся.

— Почему тебе здесь не нравится, достойный Ясек?

Слуга понизил голос.

— Здесь какая-то тайна, пане воеводич! — шепнул он. — Тайна, которую они скрывают. Что-то, чего не могу понять. Эти гайдуки принимают и скачут, а в действительности человека глазами бы просверлили. Давайте как можно скорее отсюда поедем, ваша милость...

— Ты глупец, Яска! Мне с отъездом спешить совершенно нечего.

— А этот человек вчера?

— Безумец!

— Безумец? Тогда почему горбун смотрел с таким беспокойством, когда он что-то шептал вашей милости, и затем оттащил его?

Но Горка не собирался вдаваться в дальнейший диспут со своим слугой. О вчерашних событиях он сам составил себе мнение, правда, главным образом под влиянием прекрасных,

гигантских глаз графини. Впрочем, он видел, что привычкой Яська, молодого, двадцатилетнего парня, было вынюхивать необычные истории.

— Повторяю, глупец! — отрезал он. — Я тебе не мешаю! Яська, расследуй тайны дальше и узнай, что стало с этим безумным дедом! А теперь помоги мне переодеться.

Вскоре Горка был переодет в красивый кунтуш с драгоценной запонкой, который застёгивался под шеей большим солитером. Он стоял и подкручивал небольшие усики, рассматривая своё отражение в венецианском зеркале, украшающем одну из стен комнаты. Он смотрел с удовольствием, потому что зеркало отражало физиономию ловкого и исполненного спеси кавалера. Сегодня перед графиней он мог выступить достойно и как потомок знаменитого польского рода, и как красивый юноша. И когда он припаясьвал к боку инкрустированную золотом карабеллу, думая о прекрасной Элжбете, он сквозь зубы пробормотал:

— Ну, посмотрим...

Одевшись и съев еду, принесённую слугами, он спустился вниз, прошёл через длинный ряд комнат и, очутившись на дворе, начал осматривать замок.

Гайдуки и слуги, которых он встречал, здоровались с ним со знаками чрезвычайного уважения.

Днём замок показался ему ещё более величественным. Между двумя башнями, одной повыше, другой пониже, размещалась двухэтажная стена. Внизу находилось помещение для гайдуков, или личной стражи графини; там же — арсенал; наверху — жильё графини Надасды и её служанок. В башне поменьше — гостевые комнаты, и именно там он ночевал; предназначение большой было ему неизвестно. Наверное, там находилась сторожевая башня и наблюдательный пункт, потому что наверху он разглядел вооружённого алебардой гайдука, который там охранял, разглядывая околицу.

Замок окружён был глубоким рвом и представлял собой крепость, захватить которую было трудно; в те времена постоянных беспорядков в этом не было ничего необычного.

Кружа по большому замковому двору, Горка невольно вспомнил слова Яська. Какая тайна могла заключаться в замке, и что за глупости болтал парень? То, что гайдуки были вооружены с ног до головы, в этом не было ничего удивительного. Что некоторые из них хмуро глядели исподлобья, такое, должно быть, у них настроение. Но подобраны они были холоп и холопа и Горка опытным глазом определил, что в случае нужды они, должно быть, были хорошими солдатами.

Итак, Горка кружил, встречаемый низкими поклонами или военным приветствием, любясь замком. Его только то насторожило, что когда он подошёл к большой башне, стражник колебался и как бы хотел закрыть ему вход. Но Горка сам вовремя отступил, не желая показать себя слишком любопытным. Впрочем, тут рядом с ним раздался голос:

— Ваша милость осматривает наш замок? Если позволите, я сам вас проведу!

Рядом с Горкой стоял горбун, словно выросший из-под земли.

Следом за этим проводником, который казался начальниками над другими, — Горку удивило, что подобные функции графиня поверила такому монстру — польский шляхтич зашёл в конюшню и арсенал. В конюшнях мог вызвать восхищение подбор самых разнообразных красивых лошадей, из которых многие были родом издалека, даже из Сирии и Аравии. Арсеналом же мог бы похвастаться даже правящий князь. Там были размещены коллекции самого разнообразного оружия, которым в случае необходимости можно было вооружить многочисленные отряды людей.

На этих занятиях, столь приятных для рыцарского сердца, прошло несколько часов. Горка только закончил восхищаться великолепной упряжью и амуницией, когда подбежала служанка с объявлением, что милостивая пани графиня ожидает рыцаря на обед.

Он нашёл Элжбету в гигантской столовой зале.

Насколько комнаты графини были сделаны в восточном стиле и там превалировала ориентальная роскошь ковриков и ковров, настолько столовая зала сохраняла строгий рыцарский характер.

Там висел ряд семейных портретов, которые помнили ещё времена Гуниады и Мацея Корвина. Посередине же висел портрет графа Надасды, покойного мужа Элжбеты. Горку только удивило, что он был одет в костюм двадцатилетней давности. Очевидно, он женился на графине в более позднем возрасте.

— Кавалер, как вам спалось в стенах моего замка? — спросила с очаровательной улыбкой красивая дама в качестве приветствия.

Горка поцеловал протянутую руку и ответил причудливо закрученным комплиментом; взглядом же впился в графиню. Сегодня, вместо костюма амазонки, в котором он видел её вчера, на ней было почти придворное, испанской моды, которую ввёл австрийский двор, длинное платье из чёрного бархата, богато покрытое жемчугом, сильно суженное в талии.

— Садитесь, рыцарь! — сказала она, указывая ему на место рядом с собой.

Обед у них прошёл в одиночестве. Очевидно, рождением никто не был достоин занять место рядом с ними, но зато по гигантской комнате крутилась многочисленная служба.

Горка сел и его снова восхитила богатая сервировка стола. Он в полном смысле этого слова ломился под многочисленными золотыми и серебряными тарелками, а в кубках и красиво вырезанных хрустальных рюмках тысячью цветов переливалось вино. Скоро под влиянием знаменитых блюд, приправленных сильной венгерской паприкой, и столетнего токая мир начал казаться ему прекрасным, а чёрные глаза графини — самыми красивыми на свете.

— Вы для собственного удовольствия путешествуете по свету? — спросила Элжбета, когда первый голод был утолён и когда она заметила, что щёки Горки начали краснеть. — Только эта причина склонила вас, — ловко допрашивала она, — посетить нашу Венгрию?

— Nulla vita, nisi Hungarja! Жизнь есть только в Венгрии! — любезно ответил Горка, после чего у него неожиданно вырвалось: — Но я нахожусь тут по другому делу.

— По другому? — спросила она будто бы равнодушно.

Горка, которому крепкий токай слегка ударил в голову, предполагая, что Элжбета хранит в своём сердце традиции рода Баториев, искренне начал говорить:

— Милостивая пани, не буду скрывать от вас. Вы — родственница Габора. Я прибыл в Венгрию с одним личным поручением к князю, и даже везу ему важные бумаги.

В глазах графини пробежал какой-то неуловимый блеск, но она постаралась обуздать себя.

— Поручением? — повторила она, будто бы равнодушно.

— Как вы знаете, — объяснял он, — со времени несчастной битвы под Мохачем, в которой турецкие отряды нанесли поражение вашим войскам и пал король Людвик II, Венгрия потеряла свою самостоятельность, и нет уже по-настоящему народных королей. Одна её часть попала под власть Турции, другой завладел австрийский дом. Ваш замок лежит на немецкой стороне, и счастье, что вы не под властью нехристей, но ваш монарх — император Рудольф, который называет себя венгерским королём, не является настоящим господином ни для одного истинного мадьяра. Его должен заменить свой, и спасение придёт из Трансильвании, потому что только части Венгрии, называемой Трансильвания, много лет назад, благодаря Яну Заполии, женатому на Изабелле, дочке нашего Сигизмунда I, удалось спасти свою независимость. После сына Заполии пришли на престол в Трансильвании Батории; но их уже нет, правит там Ракочи, целиком зависящий от императора, и австриец вытягивает свою лапу к этой единственной независимой частичке Венгрии... А законный наследник престола, Габор, вынужден скрываться, лишённый власти и значения.

— Да, — шепнула она без большого убеждения.

— У князя Габора, — продолжал тот дальше, — воспитанного в Польше, много друзей среди нас. Мы даже хотели, чтобы он стал польским королём, но это не удалось. Мы готовы ему помочь вернуть родину, а я ему по этому делу везу важные документы. Мы хотим поддержать его саблями и деньгами. Даст Бог, князь взойдёт на трансильванский престол, а позже освободит Венгрию и так даст по шкуре австрийцу, как десять лет назад это сделал *sicut alter Achilles*, наш пан Ян Замойский...

Из груди прекрасной дамы снова выбежал какой-то неопределённый звук.

— Но князь скрывается, потому что немец, зная его намерения, охотно схватил бы Габора и посадил в какую-нибудь темницу. Я знаю, что он находится в Венгрии, где-то в этих краях, но тщетно я пытался навести справки о нём. Ну так вот, если я вам это всё искренне рассказал, милостивая пани, то потому, что предполагаю, что намерения вашего родственника вам не чужды и вы сможете указать, где его отыскать.

Элжбета не имела понятия, где находится Габор. Но искренние признания Горки были ей очень на руку. Прежде всего об интригах Габора нужно было поставить в известность, кого следует, поэтому у неё был предлог задержать молодого шляхтича в своём замке дольше.

— И я не имею понятия, где пребывает Габор, — ответила она, — но не сегодня-завтра я жду от него вестей! — солгала она, после чего хитро добавила: — Вы не могли, кавалер, попасть лучше, чем в Чахти. Побудьте у меня несколько дней, а я уж вам раздобуду известия о Габоре.

— Поистине само небо послало меня к вашим порогам, пани! — крикнул он радостно, сам не зная, в какой капкан он попал.

Правда, он мог радоваться. Вместо того, чтобы блуждать по незнакомому краю и тайно спрашивать о князе, он оставался тут, под боком прекрасной дамы. И мог безопасно выполнить свою миссию. А чёрные глаза графини огненно ему говорили.

— Благословляю судьбу, — повторил он, — которая меня сюда привела.

Теперь Элжбета чарующе улыбнулась.

Она знала всё, что хотела узнать, а Горка мчался, словно муха на клей. Она ещё окинула взглядом красивую фигуру воеводича и, как бы убедившись, что он вполне приходится ей по вкусу, шепнула:

— И я довольна, кавалер.

После обеда, за которым уже не было речи ни о Габоре, ни о политике, но Элжбета как бы специально переводила тему на дела Амура, что, впрочем, в то время было в повседневном обычае, Горка ушёл в свою комнату влюблённый. Он готов был поклясться, что не видел в своей жизни более красивой женщины, а сильное пожатие руки графини на прощание было многообещающим.

Как бы он удивился, и даже испугался, если бы мог догадаться, кому хочет нанести визит таинственная графиня.

Глава III

Магистр Атрефиус

Попрощавшись с Горкой, графиня пошла по длинному ряду комнат в сторону угловой узкой башни. Но она вошла не в ту комнату, в которой вчера был сброшен в подземелье старый мужчина.

Рядом с этой комнатой находилась маленькая дверца. Она ключом её отворила и быстро побежала по маленьким, каменным ступенькам, ведущим на второй этаж, наверх. Там находилась вторая дверь, обитая железом. И её она отворила своим ключом. Появилась небольшая, странно устроенная комната. Там было полно полок, бегущих вдоль стен; на этих полках полно книг, бутылок, реторт, жбанов, чучел животных и птиц.

В глубине комнаты находился большой камин, наполненный горящим деревом, от которого прямо жар расходился по комнате; за большим же столом, так же заваленным книгами, сидела какая-то фигура.

Был это высокий, худой мужчина, одетый в длинное чёрное платье, обшитое серебром, с длинной белой бородой, ниспадающей на грудь.

Лицо у него было жёлтое, словно пергамент, сморщенное, и казалось, что ему было лет сто.

Он сидел, склонившись над каким-то фолиантом, и что-то в нём читал. Только скрип двери вывел его из онемения. Он посмотрел в направлении входящей.

— А, это вы, милостивая госпожа! — проговорил он тихим голосом, не поднимаясь с места.

— Магистр Атрефиус! — сказала она. — Мой эликсир уже подходит к концу!

Он посмотрел на неё мутными глазами, из которых, кажется, ушло всякое человеческое чувство.

— Вам нужен эликсир? — спросил он с каким-то оттенком иронии. — Вы ко мне пришли?

— Да!

— А поклялись, графиня.

По лицу Элжбеты пробежала неуловимая тень. В нём играли различные чувства. Вдруг, неожиданно даже для самой себя она бросила:

— Из-за тебя я погубила свою душу!

Старик засмеялся коротким, злым смехом.

— Из-за меня вы погубили душу? Почему же дальше вы делаете то же самое?

— Потому что... — начала она и вдруг прервалась.

В странной комнате воцарилась тишина. Старик исподлобья посмотрел на Элжбету, а та будто бы колебалась. Наконец из её груди вылетел искренний крик.

— Если бы я не встретила тебя, который, не знаю, человек или чёрт, я никогда бы не узнала, какие существуют способы сохранить вечную молодость. Мне было бы грустно преждевременно потерять свою красу, но я не была бы преступницей... А сейчас отступить слишком поздно! Сколько раз я намеревалась это сделать и всегда возвращалась к тебе.

Снова раздался зловещий хохот.

— Вы стары вёснами, графиня, — говорил он, — а молоды лицом. Кто вас не знает, думает, что вам максимум двадцать с небольшим лет. А тут вы приближаетесь к шестому десятку. Хотите перестать принимать мой эликсир и ванны? Перестаньте. Но ваше лицо в

короткое время покроется морщинами, глаза утратят блеск, волосы выпадут, а на голове останутся только седые космы.

— Ах! — простонала она, испуганная чудовищным видением, которое преследовало её днём и ночью.

— Вы будете той, — говорил он твёрдо дальше, — которой вы должны быть, согласно закону природы... Старухой... старой, сгорбленной и отвратительной женщиной. А у вас ещё горячая кровь, вы жаждете любви молодых рыцарей. Я слышал, что какой-то красивый кавалер снова заехал в ваш дом.

— Чёрт!

— Вы желаете его получить, а гнушаетесь кровью. И я ею гнушаюсь. Настоящий учёный *adhoret sanguinem* (ненавидит кровь)! Но что поделаешь! Иначе нельзя приготовить микстуру, а для неё нужны человеческие жизни.

— Ужасно... ужасно...

— Теперь, когда за вами столько трупов, вас охватывает жалость? А что это значит для вас, графиня, для вас, которая должна быть выше всего! — лукаво объяснял он, словно действительно был воплощённым дьяволом. — Стоит ли жалеть девиц, которые погибли в темницах, коль скоро послужили вашей красе? Они вели бы бедную жизнь, а перед вами ещё великие дороги судьбы.

— Ужасно! — повторила она.

Действительно, это было ужасно. Тайна замка Чахти была страшной и секрет вечной молодости графини Элжбеты был страшен.

Когда, лет двадцать назад, после смерти мужа, она начала стареть, её сердце охватил ужас. Она так гордилась своей красотой, эта красота бросала к её ногам красивейших рыцарей. А зеркало каждое утро показывало Элжете новую морщинку, отражало лицо, с которого время начинало постепенно стирать красоту и свежесть. Её охватило отчаяние, а серебряные нити всё гуще появлялись в чёрных волосах, не столько от возраста, сколько от беспокойства.

Внезапно однажды вечером в её замок пожаловал старый и таинственный муж. Он велел звать себя магистром Атрефиусем, а никто, правда, не знал ни как его звали, ни откуда был родом. Он одинаково бегло говорил по-латыни, по-итальянски, по-турецки и венгерски, и утверждал, что изучил тайны всех наук. Странствующий астролог, алхимик и маг, каких много в то время бродило по свету. Он просил гостеприимства, а взамен обещал открыть удивительные секреты.

Заинтригованная графиня дала ему приют, а назавтра странный старик, даже возраст которого невозможно было определить, рассказал ей тайну вечной молодости, секрет, который он открыл на востоке и который находил подтверждение в книгах Альберта Великого и Теофраста Парацельса.

— У меня имеется, — говорил он, — специальный рецепт на одну микстуру. В его состав входят самые разнообразные травы и ингредиенты, но для этого нужна и человеческая кровь. Кровь молодой, невинной девушки. Потом определённые ванны...

Когда графиня услышала это чудовищное признание, она вздрогнула. Она не знала одной вещи — что магистр Атрефиус был безумцем, у которого от долгого корпения над книгами и изучения рецептов *philosophia occulta* помутилось в голове. Он был убеждён, что открыл эликсир жизни, и с помощью этого средства был намерен омолодить самого себя. Но все, к кому он обращался с просьбой обеспечить его этим чудовищным компонентом — человеческой кровью — с отвращением его отталкивал. Наконец он услышал о графине и вознамерился опутать её своими рассказами.

Сначала Элжбета с омерзением оттолкнула это предложение. Она по природе не была злой. Однако она была зациклена на красоте. Но когда однажды одна из девок-служанок, рубя

дерево, случайно порезала руку и струя тёплой крови брызнула прямо в лицо графини, в ней произошла внезапная перемена.

Когда спустя пару часов она рассматривала своё лицо в зеркало, ей показалось, что морщинки исчезли, а кожа приобрела удивительную свежесть. Поэтому она поверила словам дьявольского алхимика, и с тех пор в замке начали происходить чудовищные вещи. В окрестностях Чахти исчезали девицы, но никто в этом не смел подозревать графиню. Только иногда из подземелий доносился какой-нибудь стон, но затем он замолкал, без эха. Магистр Атрефиус, закрывшись на ключ, готовил в уединении новые микстуры, а лицо графини становилось всё более молодым. Более молодым, как она предполагала, благодаря эликсиру, содержащему отвратительную примесь. Была это, конечно, иллюзия, и чудесное омоложение графини следовало приписать какому-нибудь потрясению или феномену природы, что шестидесятилетняя графиня выглядела на тридцать. Лучшее доказательство этому — то, что магистр Атрефиус, несмотря на то, что использовал те же ингредиенты, не только не помолодел, но постарел ещё больше. Однако этот коварный безумец толкал Элжбету на новые убийства, думая, что в конце концов наткнётся на такой компонент, который и его омолодит.

Годы шли. Старые жители округа крутили головами от того, что сиятельная графиня совсем не стареет, потихоньку говорили, что она связалась с нечистой силой, но никто ни в чём плохом не имел отваги её обвинить. Постоянно похищали таких девиц, у которых не было семьи и исчезновение которых можно было легко оправдать. Чуть больше мог поведать об этом только Фитцке, ближайший помощник графини, и несколько личных гайдуков.

Однако те молчали, осыпаемые золотом, а когда у кого-нибудь вырывалось лишнее словечко, отравленный испанский стилет горбуна быстро пресекал эту оплошность. Что касалось остального двора, тот, удерживаемый в рамках железной дисциплины, правда, ни о чём не знал.

Но Элжбета, хоть и приобрела вечную молодость, хоть шеренга красивейших рыцарей, не знающих тайны её лет, снова кляничла любовь у её ног, она не чувствовала себя счастливой.

Совесь графини мучили совершённые преступления, несмотря на то, что своих жертв она преимущественно в глаза не видела и всё происходило в глухих подземельях.

Иногда её сердце разрывало беспокойство, и Элжбете казалось, что появится мститель, который эти убийства вытащит на дневной свет и её привлекут к ответственности. Тогда она бегала, как безумная, удваивая число стражников на стенах замка и поручая Фитцку быть осторожным с любимым чужаком.

Порой её вновь охватывало такое отчаяние, что сама была готова броситься с башни. В подобные минуты она спешила к магистру Атрефиусу и осыпала алхимика ругательствами, что благодаря его дьявольским практикам она продала свою душу чёрту.

Но эти припадки обычно продолжались до тех пор, пока не заканчивался страшный эликсир. Тогда она решалась на новые преступления, а безумный Атрефиус, тщетно пытающийся омолодить самого себя, её упрёки совести усыплял софизмами.

— Что значат, — говорил он, — эти существа, когда мне удалось создать эпохальное изобретение? Что значат эти жертвы, которые вели бы жалкое существование на свете, когда во время одного турецкого нападения под кривыми ятаганами погибают сотни подобных девиц без всякой пользы для кого-либо? Люди из гмина, — прибавил он в соответствии с представлениями того времени, — принадлежат полностью магнатам. Не стоит волноваться из-за такой мелочи, особенно во время беспрестанных войн и стычек, когда жизнь потеряла всякую цену, потому что речь идёт о деле такой важности, как эликсир вечной молодости и жизни.

Именно в таком душевном смятении Элжбета снова навестила Атрефиуса. Дьявольская микстура подходила к концу, а в подземельях замка стонала новая жертва. Тем временем на пороге замка появился молодой Горка, который, возможно, больше, чем другие, пришёлся графине по сердцу. Отступить сейчас было трудно.

— Хорошо! — сказала она после более продолжительного молчания, во время которого на её лице играли переменчивые чувства. — Хорошо! Я обеспечу вас тем, что вы требуете! Завтра... Послезавтра... Отдам Фитцке соответствующие приказы...

Безумный старик глубоко вздохнул.

— Я скоро приготовлю эликсир! — пробормотал он, а в душе радостно добавил: — Может, смешав иначе ингредиенты, я, наконец, добьюсь перемены для себя. Два месяца я изучаю фрагмент Парацельса и вижу, что до сих пор заблуждался.

Элжбета сменила тему. Её интересовало ещё одно дело.

— А что вы вычитали в звёздах, магистр Атрефиус? — спросила она.

В обязанности Атрефиуса входило делать заключение о будущем по знакам неба. Он указал на какой-то пергамент, покрытый многочисленными рисунками, лежавший перед ним на столе, и ответил:

— Я вычитал многое... Астрология — это великая наука и *inter res humanos scientia scientiarum*. Звёзды говорят, что в ближайшее время вас ждут, милостивая графиня, значительные перемены. Какие-то возмущения, вооружённые стычки, но потомок Баториев сядет на трансильванский престол.

— Габор? — шепнула она тихо.

— Нет, вы, благородная госпожа.

— Я? — воскликнула она довольно, потому что это было её самой тайной мечтой, и по этой причине она так ненавидела своего родственника, как обладателя гораздо более значительных прав на него, чем она. — Я буду править в Трансильвании? Я займу княжеский престол в Кумисваре?

— Да!

— Исполнились бы желания моей жизни! — говорила она в радостном порыве.

Тогда ей уже не нужна будет вечная молодость, потому что власть заменит всё!

Довольная, она выбежала из комнаты алхимика. Старик посмотрел на неё, встал и странно покачал головой.

— Или будешь править, или не будешь, этого я не знаю! — шепнул он. — Звёзды мне об этом ничего не сказали. А я должен так говорить, чтобы ты утешилась и скорее прислала то, что нужно. А когда я помолодею, пусть чёрт возьмёт твою душу!

Остаток дня графиня провела в самой радужном расположении духа, и никто бы не догадался, какой страшный разговор она вела со своим алхимиком.

* * *

Отыскав Горку, она предложила ему конную прогулку, и молодой польский шляхтич снова мог ею восхищаться в ловком костюме амазонки и удивляться её умению управлять лошадью.

Элжбета управляла своим жеребцом, как самый опытный рыцарь, а когда ради шутки они начали стрелять из лука в цель, в этом развлечении она никому не уступала.

Это Горку не удивило, потому что он знал, что мадьярские женщины ещё больше, чем польки, смолоду упражняются в военном ремесле — но его это окончательно восхитило.

Теперь за прекрасной графиней он готов был прыгнуть в огонь и в ад.

Когда он ужинал наедине с Элжбетой, он не жалел ей горячих взглядов и нежных словечек.

Ему казалось, что и графиня отвечает на его взгляды огненными взорами и с радостью слушает рассказы. Но всё это удерживалось в границах такого приличия и придворного тона, что он не мог понять, может ли питать какие-нибудь надежды на близость.

Размечтавшийся, но неуверенный, он ушёл в спальню. Он не смел признаться Элжбете в метавшихся в нём чувствах, чтобы признанием в любви не обидеть дамы столь знатного рода.

А когда он лёг в свою гигантскую, великолепную кровать, ещё долго мечтал о ней.

Затем.

— Кто тут? — воскликнул он.

Он бы поклялся, что дверь потихоньку открылась и в комнату скользнула какая-то фигура.

— Кто здесь? — удивлённый, повторил он и поднялся на своей кровати.

Он не верил собственным глазам. Комната тонула в свете луны и в ней было почти светло.

Он отлично всё понял.

В сторону его кровати медленно шла графиня Элжбета.

— Вы, сударыня? — шепнул он.

На ней не было ни придворного платья, ни костюма амазонки. На ней была только лёгкая накидка из лёгкого атласа, через которую просвечивалось розовое тело, а на босых ногах золотистые сандалики.

— Вы, сударыня? — бормотал он, думая, что это ему снится.

Она вытянула к нему свои обнажённые руки.

— Разве ты не звал меня в своей любовной тоске, рыцарь? Должна ли я уйти? Пожалуй, ты не хочешь этого?

Он ничего не ответил, потому что уже держал её в страстном объятии.

Глава IV

Но это же ведьма, господин...

Горка проснулся поздно, ещё полный воспоминаний о безумной ночи. Всё казалось ему прекрасным и он считал себя счастливейшим из людей. Чудесная Элжбета, молодая и богатая, признавалась ему в любви, хотела, чтобы он как можно дольше остался в её замке.

В голове Горки уже роились смелые планы. Разве они не были одного возраста и не происходили оба из магнатских родов? Ведь было бы не так трудно заключить этот брак, и не один шляхтич, даже куда более скромный, чем он, благодаря личным качествам добивался за границей богатых владений. Правда, Горка не мог соперничать состоянием с графиней Элжбетой, но разве любовь не уравнивала всего?

В своём возбуждении он даже не заметил, как в комнату скользнул Ясько и как-то беспокойно крутился по комнате. Он с удивлением посмотрел на своего господина, будто бы думал, что сказать, а не смел в этом признаться.

Наконец он не выдержал.

— Мы надолго здесь останемся, воеводич? — выпалил он.

Горка довольно улыбнулся.

— О, думаю, надолго, Ясько!

Юноша сделал безжалостную гримасу.

— Нехорошо, пане!

— Почему это?

Ясько приблизился к воеводичу и шепнул на ухо:

— Эта графиня — ведьма, пане...

Это объявление последовало так внезапно и так противоречило мыслям, которые в данный момент были в голове Горки, что он не мог сдержаться и прыснул громким смехом.

— Ведьма, говоришь? Откуда тебе в голову приходят подобные предположения?

— Она ведьма и всё...

Теперь он вдруг разгневался.

— Слушай-ка! — сказал он. — Если бы я не был с утра в отличном настроении, я выстрелил бы тебе за подобную болтовню в ухо! Как ты смеешь так говорить о молодой, доброй и богатой даме?

— Она молода?

— Ну, всё-таки ей лет двадцать с небольшим.

Ясько, ничуть не испуганный гневным выражением, какое появилось на лице воеводича, снова тихо проговорил:

— Выглядит на двадцать с небольшим, а ей шестьдесят!

— Ты спятил?

Горка вытаращил глаза на своего слугу и в течение минуты мерил его беспокойным взглядом. Он был уверен, что юноша неожиданно сошёл с ума.

— Ты спятил? — повторил он. — Что с тобой, Яска?

Но тот смотрел на него сознательным и серьёзным взглядом.

— Я не помешался, — говорил он, — и умоляю, поверьте мне, господин! Клянусь Богом, я говорю правду. Есть люди, которые помнят графиню десятки лет.

— Лгут!

— Не лгут! Её брак с графом Надасдой был почти сорок лет назад. Есть даже на это памятка, таблица в замке, только она приказала стереть надписи. Вы сами увидите... Тут же около входа, внизу...

Слуга говорил так рассудительно и с таким убеждением, что воеводич не мог его заподозрить, что он сошёл с ума. Однако тем более страшный падал на него удар. После великолепных грёз столкнуться с подобной очевидностью? Он не хотел ещё верить. Элжбета выглядела, как молодая девушка. Он решил расспросить Яська до конца.

— Ты говоришь, она старая? — промолвил он сдавленным от раздражения голосом. — Она вышла замуж сорок лет назад? Что тебе ещё донесли?

— В этом замке творятся плохие вещи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.